

SUMMARY

The terminological vocabulary of the Dictionary of the Belarusian language by I.I. Nosovich is examined in the article. Basic theme groups of specialized vocabulary of the Dictionary of the Belarusian language are determined by the author. They are: trade, economic, social, political, medical, legal, industrial, natural history, agriculture. These groups are described in de-

tails in the article. The ways of lexicographic term processing are identified. A comparative analysis of terminological transferable dictionaries of the 1920 – 2000's was conducted with the purpose of continuity reflection in the process of terminological nomination throughout the centuries.

Паступіў у рэдакцыю 04.04.2012 г.

УДК 81'373:811.161.3

Т.Ю. Васильева,
аспирант кафедры общего и русского языкознания
ВГУ им. П.М. Машерова

ОЙКОНИМЫ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ – РЕПРЕЗЕНТАТОРЫ ЛАНДШАФТНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

В последние десятилетия в науке подчеркивается важность изучения способов языковой репрезентации знаний о мире и законов организации картины мира, что, в свою очередь, требует обращения к вопросу взаимосвязи языка и культуры. Понимание культуры как совокупности основополагающих кодов, в которых она воплощается, предполагает рассмотрение процесса создания имен собственных как особого типа кодирования историко-культурной информации. Ойконимы, являясь фрагментом языковой картины мира, представляют собой способ языкового воплощения различных кодов культуры. В настоящее время в научной литературе отсутствует единство в определении понятия «код культуры» (ср. определения В.В. Красных, В.Н. Телия, Н.И. Толстого и С.М. Толстой и др.), что обуславливает существование нескольких подходов к выделению базовых кодов культуры. Авторы энциклопедического словаря «Беларуская міфалогія» выделяют 15 кодов, свойственных традиционной культуре, одним из которых является ландшафтный, связанный с представлениями человека об окружающих его географических объектах и реализующийся в системе названий населенных пунктов. Цель нашей работы – выявление особенностей ландшафтных топонимов Белорусского Поозерья как репрезентаторов соответствующего кода культуры.

Ландшафтные топонимы формируются на базе народной / местной географической терминологии – категории диалектных слов, которые называют различные особенности регионального ландшафта, например, формы рельефа, ландшафтные объекты и др. С лингвокультурологической точки зрения ланд-

шафтные топонимы как выразители соответствующего кода культуры имеют следующие особенности: 1) отличаются высокой информативной наполненностью, так как отражают особенности регионального ландшафта, определяющие образ жизни населения региона, мировидение и мировосприятие, следовательно, отражают особенности материальной и духовной культуры народа; 2) наряду с номинативной выполняют дескриптивную функцию (не только называют, но и указывают на совокупность географических признаков объекта); 3) выделяют ландшафтный объект как своеобразный центр ориентации человека в окружающем пространстве. Ойконимные единицы, сформированные на базе народной географической терминологии, заключают в себе прямое указание на локализацию населенных пунктов непосредственно около соответствующих ландшафтных реалий.

Положив в основу классификации категории географических терминов, выделенные В.А. Жучкевичем [1, с. 37–38], все разнообразие ландшафтных ойконимов Белорусского Поозерья можем подразделить на следующие 5 групп.

1. Ойконимы, сформированные на базе обще-географических терминов, включают названия *Лазы* – бел. рег. *лаз* 'низкий болотистый луг' [2, с. 390]; *Лесная Поляна*; *Луг* (3); *Луги* (4); *Муроги* – бел. *мурага* 'лужок с невысокой травой' [2, с. 434]; *Остров* (3); *Полесье* (3) – бел. рег. *палеска* 'лесистая и болотистая местность' [2, с. 482]; *Поляны*; *Речица* – бел. *рэчыца* 'равнина; плоское возвышение; приречное место' [2, с. 594]; *Ровное Поле* и др.

Следует отметить, что более половины ойконимов данной группы (24 единицы) сформировано на основе географических терминов со значением открытого пространства. Подобные термины использовались в качестве наименований не только тогда, когда соответствующие объекты воспринимались человеком как природный ориентир на местности, но и тогда, когда они имели какие-либо конкретные признаки, важные с точки зрения жизненной практики [3]. Так, открытое пространство посреди леса могло разрабатываться под пашню, заливной луг использоваться под сенокос или пастбище.

В славянской мифологии и фольклоре *поле* является локусом, наделяемым признаками бесконечности и безграничности, и трактуется как граница «своего» и «чужого» миров [4, с. 133]. В традиционной белорусской культуре *поле*, *луг* и *нива*, являющиеся элементами ландшафтного кода, воспринимаются как места освоенные, имеющие положительный потенциал, обусловленный присутствием человека и его активной хозяйственной деятельностью. Однако пространственная отдаленность *поля* способствовала восприятию его как пограничной зоны, разделяющей «свою» и «чужую» землю [5, с. 385].

2. Группу ойконимов, сформированных на базе гидрографических терминов, составляют названия *Бук* – бел. рег. ‘яма в реке, озере, самое глубокое место’, ‘крутой поворот реки’ [2, с. 114]; *Ключ*; *Красница* – бел. рег. ‘родник, где вода не высыхает летом’ [2, с. 364]; *Отоки* (3) – бел. рег. *атока* ‘затока, рукав реки’, ‘небольшой водоем, в котором не высыхает вода летом’ [2, с. 73]; *Ручай*; *Речки* (5); *Студенец* – бел. рег. ‘родник в реке’ [2, с. 635]; *Студёнка* (4) – бел. рег. ‘родник’ [2, с. 635] и др.

Процесс формирования названий населенных пунктов на базе гидрографических терминов подчеркивает важное значение водных объектов. Вода как одна из природных стихий в белорусской мифологии связывается с началом создания Вселенной, где она символизирует Хаос. Вместе с тем в сознании белорусов она является очистительным средством, обладает целительной силой. Поклонение озерам и источникам известно на территории Беларуси с глубокой древности [5, с. 57–58].

3. К ойконимам, сформированным на базе орографических терминов, относятся названия *Гора* (4); *Гороватка* (2) – бел. рег. ‘пригорочек’, ‘кучка леса на горе’ [2, с. 187]; *Горушка*; *Горы* (3); *Гряда* (5); *Гурка* – бел. рег. ‘пригорок’ [2, с. 226]; *Купелище* – бел.

рег. ‘впадина на месте осушенного болота’, ‘мелководное место’ [2, с. 380]; *Передел* – бел. рег. ‘низ, низкая местность’, ‘возвышенное место’ [2, с. 510]; *Холм*; *Холмы* и др.

Более 70 % названий данной группы (38 единиц) соотносятся с терминами, обозначающими положительные формы рельефа. Поскольку на территории Белорусского Поозерья всегда преобладал низинный ландшафт, то любая возвышенность являлась хорошим природным ориентиром. Типичной чертой рельефа исследуемого региона является чередование возвышенностей с низинными равнинами, для которых характерны процессы заболачивания. В таких условиях возвышенные формы рельефа, в отличие от заболоченных низин, воспринимались еще и как участки пригодной для обработки земли. Кроме того, в представлениях наших предков возвышенности соотносились с сакральным верхом, осью мира, наделялись небесной и солярной символикой, а низменности воспринимались как места обитания демонов и душ «нечистых» покойников [6, с. 306].

В белорусской мифопоэтической картине мира *гора* – локус, соединяющий небо, землю и «тот свет». В календарно-обрядовом фольклоре *гора* является центром ритуального пространства, где совершались обряды. Большинство языческих святилищ, известных на территории Беларуси из письменных источников и полевых исследований, стоит на горе. Русские летописи также сообщают о поклонении славян языческим божествам на горах [7, с. 520]. Как отмечают авторы энциклопедического словаря «Беларуская міфалогія», обычай поклоняться холмам дожил до XX в. [5, с. 114].

4. В состав группы ойконимов, сформированных на базе геоботанических терминов, входят названия *Бор* (5); *Непороты* – бел. рег. *непарот* ‘густая поросль молодого леса’ [2, с. 450]; *Пуца* (4); *Роца*; *Сосновая Наспа* – бел. рег. *наспа* ‘молодой лес, преимущественно березовый’, ‘роща на высоком месте’ [2, с. 446–447] и др.

Ойконимные единицы данной группы соотносятся с названиями лесных массивов. Самую большую подгруппу (22 единицы) составляют названия, мотивированные апеллятивом *бор* (*Бор* (5); *Борок* (3); *Боровая*, *Боровое* (3) и др.), употребляющимся на территории Витебщины в значении ‘исключительно сосновый лес, который раскинулся на большом пространстве’ [2, с. 102]. Вторая по численности подгруппа (11 единиц) – названия, образованные от апеллятива *дуброва* (рус. *дубрава*), имеющего значение ‘дубовый лес’ (*Дубрава*,

Дуброва (2), *Дубровно* (2), *Дуброво* (4) и др.). Небольшие подгруппы составляют наименования, сформированные на базе геоботанических терминов *гай* (*Гаи*, *Подгаи* и др.), *лес* (*Лесное*, *Лесной* и др.).

Наличие ойконимов, образованных от названий лесных массивов, объясняется тем фактом, что леса на всех этапах развития человеческого общества являлись хорошим природным ориентиром. Кроме того, для белорусов как жителей лесной местности лес имел первостепенное хозяйственное значение: он не только кормил человека своими дарами, но и разрабатывался под пашню и сенокос.

По данным Т.А. Агапкиной, в славянской мифологии и фольклоре лес является отрицательным полюсом оппозиции «поселение – лес» и характеризуется признаками удаленности, непроходимости, необъятности. Лес понимается как место обитания мифологических существ и связывается с «тем светом» [8, с. 97]. В белорусской мифопоэтической картине мира, напротив, лес является локусом, который наделяется признаками близости, невраждебности. В белорусской традиционной культуре *лес* – положительный полюс оппозиции «лес – степь», где лес соотносится со сферой «своего» / «этим светом» в отличие от степи, которая имеет отрицательные коннотации и соотносится со сферой «чужого» / «тем светом» [5, с. 283–285].

По мнению исследователей (В.А. Жучкевича, В.М. Емельянович, И.Л. Копылова, Р.С. Роговой), основная часть ландшафтных ойконимов, сформированных на базе местных географических терминов, возникла в глубокой древности, в период тесной органической связи человека с природой. В архаических представлениях наших предков окружающее пространство представляло собой единое целое с наполняющими его объектами – людьми, богами, мифологическими персонажами, растениями, культурными и природными объектами, через которые пространство классифицировалось и семантизировалось. Вместе с тем пространство являлось неоднородным, иерархичным и оценочным, состоящим из фрагментов, которые человек наделял символическими значениями и выстраивал ценностную (аксиологическую) систему в определенной последовательности [6, с. 304–305].

В ойконимии региона находит отражение белорусская традиционная картина мира, в которой элементами ландшафтного кода, структурирующими пространство, являются поле, река, озеро, гора и лес. По замечанию Т.Н. Олиферчик, выделение наиболее важных географических объектов, относитель-

но которых развивается топонимическая номинация, обуславливается географическими условиями региона, а также восприятием окружающего ландшафта в качестве ресурса хозяйственной деятельности человека [9, с. 111]. Кроме того, в традиционной народной культуре данные ландшафтные реалии выполняли пограничную (разделяли природное пространство на «свое» и «чужое») и медиальную (выступали как медиаторы между «тем» и «этим» светом) функции. Культурная семантика ландшафтных объектов определялась их природными свойствами. Так, быстрое течение, подвижность, протяженность реки в пространстве символизировали движение, путь, дорогу, ведущую в иной мир и связывающую живых с мертвыми [10, с. 416].

5. Ойконимы, сформированные на базе экономико-географических терминов, могут быть разделены на следующие подгруппы:

- а) ойконимы, сформированные на базе промышленных терминов и фиксирующие в основах названия производственных предприятий и мест промыслов.

К их числу следует отнести названия *Буда*, *Буда Ближняя*, *Буда Дальняя*, *Буды* – др. рус. *буда* ‘селитряный завод’ [11, с. 136]; *Гута* – бел. ‘стеклянный завод’ [2, с. 499]; *Печище* – бел., рус. ‘место, где было две или несколько печей, в которых гнали смолу’ [12, с. 283]; *Ступовое* – бел. рег. *ступы* ‘ловушки для лосей’ [12, с. 356]; *Стрелище* – бел., рус. ‘место, где учатся стрелять’ [2, с. 635] и др. Названия *Заводский* (вариант *Заводской*), *Заготскот*, *Льнозавод*, *Осинторф*, *РТС*, *10-й Блок Пост* появились в советское время;

- б) ойконимы, сформированные на базе сельскохозяйственных терминов и фиксирующие в основах названия хозяйственных построек (*Мельница* (3); *Млын*; *Осетище* – бел. рег. ‘место, где был овин в гумне’ [2, с. 69]; *Стодола* – бел. рег. *стадола* ‘хлев для коней’, ‘большой хлев для хлебов в панских хозяйствах’ [2, с. 625]; *Ферма* (2); *Шалаши*, *Шалашино* (2) и др.) и земельных участков, которые можно разделить на группы по следующим признакам:

- способу разработки и цели хозяйственного использования земли: *Выгары* – бел. рег. *выгар* ‘пашня на месте выжженного леса’ [2, с. 166]; *Лядище*, *Ляды* – бел. рег. *ляда* ‘поле на месте высеченного леса или лесного пожарища’ [2, с. 412]; *Поженьки* (2) – бел. рег. *пожанька* ‘небольшое жнивье, маленький сенокос’ [2, с. 526]; *Подоры* – др.-бел. ‘пашен-

ный лес, это значит сенокос на месте высечки, которая вспахана под поле' [2, с. 473]; *Чисти* – бел. 'место, где высекали или выгорел лес; веретей, лесные высечки, расчистки' [2, с. 699] и др.;

- способу приобретения: *Оболь* (3) – ст.-укр. *обельная земля* 'земля, отписанная в вечное владение' [12, с. 97]; *Наддатки* – бел. рег. *наддатак* 'небольшой дополнительный участок поля' [2, с. 59]; *Подрезы* – бел. рег. *падрэз* 'дополнительный участок земли' [2, с. 474];
- форме, размерам и местоположению участка: *Адворня* – др.-рус. *адворня* 'делянка пахотной земли, которая прилегает к панскому двору, фольварку, имению или крестьянской усадьбе' [12, с. 22]; *Куты* (2), *Переки* – бел. *перак* 'короткая поперечная борозда' [12, с. 306]; *Стаи* – бел. рег. 'полосы земли более 100 м' [2, с. 626]; *Шнурки* – бел. рег. *шнурок* 'узкая полоска земли' [2, с. 705];
- единицам измерения земельной площади: *Морги* (3) – др.-бел. *морг* 'мера квадратной пахотной земли' [2, с. 430]; *Уволоки* (2) – бел. *уvaloка* 'земельная мера земли', 'площадь земли' [2, с. 662];
- давности обработки земли: *Застаринье* (4) – бел. *застарынь* 'исконная пашня, которая очень давно обрабатывается' [2, с. 302]; *Старина* (6) – др.-бел. 'поле посреди леса издавна', 'оставленная новина' [2, с. 629]; *Старины*; *Старь* (3) – бел. рег. *стар* 'место, где находилось поселение или древнее место жительства', 'древняя пашня' [2, с. 627]; *Новинка* – бел. рег. 'новое поле, целина на месте вытеребки или вспаханного сенокоса' [2, с. 440]; *Новинки* (2); *Новка* (3) – бел. рег. *ноўка* 'новое поле, где раньше были кусты, лес; целина, вновь вспаханная целина' [2, с. 454]; *Новь* – бел. рег. *ноў* 'новое поле, где раньше были кусты, лес; целина' [2, с. 454] и др.

Названия населенных пунктов *Мыльнице* и *Перно*, зафиксированные на территории региона, сформировались на базе соответствующих апеллятивов, имеющих значение 'место, где стирают белье'.

В ойконимии региона нашел отражение процесс превращения «чужого», хаотичного, «нечистого» пространства в «свое», космическое, «чистое». Основной социальной формой организации и обустройства пространства является хозяйственная деятельность человека, включающая изменение природного ландшафта и создание его рукотворных форм (пахотных земель, пастбищ, садов, огородов, искусственных водоемов, дорог, мостов, строе-

ний и т. д.) [6, с. 306]. Освоение является универсальной деятельностью человека по отношению к пространству;

- в) ойконимы, сформированные на базе транспортных терминов, насчитывают 25 единиц: *Брод*, *Зимник* – др.-бел. *зімнік* 'дорога, по которой ездят только зимой' [2, с. 313]; *Летники* – бел. рег. *летнік* 'дорога через болото, по которой ездят только летом' [2, с. 398]; *Мосты*, *Наволока* – др.-бел. *навалок* 'лесная зимняя дорога' [2, с. 440]; *Перевоз* (3) и др.

Возникновение транспорта относится к древнейшим временам. Большую роль в развитии транспортной сети играли природные условия, которые не только определяли общие контуры дорожной сети, но и стимулировали появление относительно устойчивой специализации районов, возникновение обмена продуктами, следовательно, и развитие транспортных средств. Характер транспортной сети региона нашел отражение в ойконимии.

Необходимо отметить, что в представлениях славян дорога и мост, являясь пространственными пограничьями, воспринимались как универсальные каналы связи, медиаторы между «тем» и «этим» светом, через которые осуществляется контакт со сферой смерти и загробным миром [6, с. 306].

Таким образом, анализ ландшафтных ойконимов Белорусского Поозерья показал, что в ойконимии региона нашла отражение белорусская традиционная картина мира, в которой элементами ландшафтного кода, структурирующими пространство, являются *поле*, *река*, *озеро*, *гора*, *лес*. Выбор того или иного географического объекта в качестве природного ориентира на местности обусловлен не только характерными признаками ландшафтной реалии, но и различными историческими, социальными и экономическими причинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жучкевич, В.А. Общая топонимика: учеб. пособие / В.А. Жучкевич. – Минск: Вышэйш. шк., 1980. – 288 с.
2. Яшкін, І.Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І.Я. Яшкін. – Мінск: Беларус. навука, 2005. – 808 с.
3. Радзіваноўская, Н.А. Айконімы, суадносныя з назвамі расліннага свету: структура, утварэнне, пашырэнне: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Н.А. Радзіваноўская; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М.Танка. – Мінск, 2003. – 177 с.
4. Агапкина, Т.А. Поле / Т.А. Агапкина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М.: Междунар. отношения, 1995–2009. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т.А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 133–137.

5. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўнік / С. Санько [і інш.]; пад рэд. С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
6. Левкиевская, Е.Е. Пространство / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М.: Междунар. отношения, 1995–2009. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т.А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 304–308.
7. Левкиевская, Е.Е. Гора / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М.: Междунар. отношения, 1995–2009. – Т. 1: А – Г / Т.А. Агапкина [и др.]. – 1995–2009. – С. 520–521.
8. Агапкина, Т.А. Лес / Т.А. Агапкина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М.: Международные отношения, 1995–2009. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка) / Т.А. Агапкина [и др.]. – 2004. – С. 97–100.
9. Аліферчык, Т.М. Тапанімія Заходняга Палесся ў этналінгвістычным аспекце: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Т.М. Аліферчык; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры ім. Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск, 2010. – 179 с.
10. Виноградова, Л.Н. Река / Л.Н. Виноградова // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М.: Междунар. отношения, 1995–2009. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т.А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 416–419.
11. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1: А – З. – 1989. – 699 с.
12. Лемцюгова, В.П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.

SUMMARY

Understanding of culture as a sets of codes in which it is embodied, assumes consideration of process of creation of proper names as special type of coding of the historical and cultural information. One of the basic codes of the traditional culture is a landscape associated with human perception of surrounding geographical features and realized in the system of names of settlements.

This article discusses the features of landscape toponyms of the Belarusian Poozerye as representators of the code of culture. The analysis of factual material of research has allowed to establish, that landscape code of culture objectified in the oiconymy of the Belarusian Poozerye with the help of landscape oiconyms, which can be divided into five groups: 1) oiconyms, formed on the basis of general geographical terms; 2) oiconyms, formed on the basis of hydrographic terms; 3) oiconyms, formed on the basis of orographical terms; 4) oiconyms, formed on the basis of the geobotanical terms; 5) oiconyms, formed on the basis of the economic-geographical terms. Study of selected groups of oiconyms has shown that in oiconymy reflected the Belarusian traditional picture of the world in which elements of landscape code which structured space are field, river, lake, mountain, forest.

Поступила в редакцию 15.03.2012 г.

УДК 81'1

В.Ф. Епішава,
аспірант кафедры беларускага і рускага мовазнаўства БДПУ

ТЭАРЭТЫЧНАЕ АСЭНСАВАННЕ ПРАБЛЕМЫ СТЭРЭАТЫПА Ў ЛІНГВІСТЫЦЫ

Доўгі час, нягледзячы на тое, што даследчыкі падкрэслівалі цесную сувязь стэрэатыпа з мовай, лінгвісты не працягвалі цікавасці да разглядаемага паняцця. Гэта можна растлумачыць тым, што стэрэатыпы адносяцца да той з'явы, якую даволі складана апісаць у межах сістэмнага лінгвістычнага аналізу ці пры дапамозе тых метадаў, якімі звычайна апярыўся лінгвістычная навука. У выніку стэрэатып як аб'ект лінгвістычнага даследавання аформіўся ўсё ж адносна нядаўна. Аналіз лінгвістычнай літаратуры дае падставы сцвярджаць наступнае: на сённяшні дзень адсутнічае сістэмны падыход з боку лінгвістыкі да праблемы стэрэатыпа, мала назапашана па гэтай праблеме тэарэтычнага і практычнага матэрыялу, многія даследчыкі, не

ўлічваючы міждысцыплінарны характар дзенага паняцця, неадназначна яго інтэрпрэтуюць, пры гэтым не размяжоўваюць паняцце стэрэатып з блізкім на першы погляд паняццем канцэпт. Мэта нашага артыкула – ахарактарызаваць стэрэатып як міждысцыплінарнае паняцце, даць тэарэтычнае абгрунтаванне стэрэатыпа як лінгвістычнай з'явы, выявіць моўныя паказчыкі стэрэатыпізацыі, размежаваць паняцці стэрэатып і канцэпт, акрэсліць шляхі даследавання стэрэатыпа ў мовазнаўстве.

Тэрмін стэрэатып прыйшоў з мовы друкароў, дзе ён абазначаў копію першапачатковай тыпаграфскай формы для высокага друку. Упершыню паняцце стэрэатып у навуковы ўжытак увёў у 1922 г. амерыканскі сацыёлаг і